

Кузнецова М. А.

2/11/88

ПРАВДА ВОСТОКА
г. Ташкент

2 декабря 1988 года

ПРАВДА ВОСТОКА

Три даты сошлись, побуждая к написанию этого материала. Приближается 100-летие поэта и драматурга, основоположника узбекской советской литературы и узбекского театра Хамзы Хаким-заде Ниязи. Отмечает свой 70-летний юбилей театр его имени. И, наконец, именно в эти дни исполнилось бы 80 лет Марии Александровне Кузнецовой — ученице Хамзы, вписавшей яркую страницу в историю узбекского театра.

В махалле дочь машиниста железнодорожного депо звали Маруся-лапарчи, что свидетельствовало о признании владения ею не только дутаром и голосом (лапар — частушки), но прежде всего узбекским языком, знания обычаев, быта, традиций узбекского народа. Ее предки еще в прошлом веке поселились на этой земле, и у Марии другой родины не было. Народная песня привела ее в самостоятельный художественный кружок.

Удивительное все-таки это время. Голодное, трудное. В ожесточенной борьбе утверждается молодая Советская власть. И зарождается искусство, которого никогда прежде не было. Кружки, наподобие того, в который ходила Мария. Народная труппа Хамзы. И, наконец, театр, которому по плечу мировая классика. Сказать, что Великий Октябрь дал возможность талантам из народа проявить себя, самоутвердиться, как мы привыкли говорить, значило бы скользнуть по поверхности. Искусство, в частности театральное — яркое, доступное, — оказалось едва ли не единственной трибуной, кото-

рая позволяла дойти до неграмотной аудитории, убедить ее, повести за собой. Естественно, эта трибуна притягивала самых активных, талантливых, мужественных борцов. И, конечно, вызывала особую ненависть врагов. Здесь творческие находки переплетались с трагическими потерями в жизни.

Искусство и борьба за укрепление женщин, театр и просветительская, агитационная работа оказались неразделимы для Кузнецовой, которую заметил и пригласил в свою труппу Хамза.

Представления, — вспоминала она, — часто давали в мечети. Мы были уверены, что басмачи не посмеют осквернить святое место. Но однажды, когда мы показывали спектакль «Отравленная жизнь» (я играла Марью), захлопали выстрелы, началась паника. Настоящий налет. Прячась, я добралась до забора, прыгнула с него в соседний двор и укрылась под сеном. Все спрятались — кто где. Лишь на рассвете собрались у нашего агитпоезда. Женщинам приходилось ходить в мужской одежде, даже приклеивать себе усы... Помню, как однажды спас меня Юсуф-жоң Кизик. Главари басмачей, взяв меня за подбородок, сказали: «Хорош парень. Отдайте мне его, сделаю из него настоящего джигита». Знаменитый кизикчи нашелся: «Бек, мне так же, как и вам, по душе такие парни, прошу, не обделяйте меня». Раздался смех — басмачи пришли в восторг от слов кизикчи. Нас оставили в покое.

Пройдут годы, и агитпоезда снова вернутся в их жизнь. И снова наденут женщины мужскую одежду. Но не для того, чтобы прятаться. Чтобы играть. Для большинства их коллег-мужчин начался совсем другой театр — военных действий. В многолюдной толпе перед военкоматами Мария Кузнецова, как когда-то в юности, читала пламенные стихи Хамзы.

Не забуду, как Маруся-апа бригадировала. Коллектив взялся хашаром строить декорационный дворец. Кузнецова, которую хорошо знал Юлдаш Ахунбабаев («А-а, дочь узбека, как поживаешь?» — спрашивал он ее, бывая в театре), обратилась к руководителям республики с просьбой выделить стройматериалы. И вот в холодные, зимние дни она в больших рукавицах, в шинели руководит строительной бригадой. Дворец построили. Актеры переодевались и гримировались у единственной печки, зрители смотрели

спектакли в верхней одежде. А спектакли эти — «Мукан-на» Хамида Алимджана, «Джалалиддин» Максуда Шейхзаде.

Вспоминаю прекрасные актерские работы Марии Кузнецовой. Кабаниха в «Грозе» Островского и Хаджи-апа в спектакле «Бай и батрак» Хамзы. Обе — властительницы «царства тьмы». Но какими разными красками рисует их она. Жизненный опыт, знание быта, обычаев разных народов делали достоверными созданные ею образы. Надо было видеть, как, опираясь на трость, прохаживалась по байскому дому Хаджи-апа — хозяйка, правительница.

Или Холнисо в «Шелковом сюжете» Абдуллы Наххара. Мне посчастливилось исполнять в этом спектакле роль Дехканбая, и я был просто очарован ее игрой. Какие тонкие детали привносила актриса на сцену из повседневной жизни: вот, здороваясь с мужчиной, по-

правляет засученные рукава — пряча руки от взоров посторонних, вот, принимаясь за работу, ловко подобрала платье...

Не случайно, когда на сцене только что созданного театра музыкальной комедии имени Мукими решили поставить «Проделки Майсары», на главную роль была приглашена именно Маруся-апа. Ученица Хамзы создала образ необыкновенно жизнерадостной, остроумной, смелой, всегда приходящей на помощь женщины.

В 50-е годы Кузнецова участвовала практически в каждом спектакле. Сутками не выходила из театра. Работала на износ.

Как и многие актеры — Алим Ходжаев, Абид Джалилов, Лутфулла Назруллаев, Шариф Каюмов, Амин Турдыев, она жила в доме актера. От него к театру вела узенькая улочка... Говорят, когда-то эта улочка была гордостью Дегрез махаллы. Именно здесь, в одном из

домишек, появился на свет великий узбекский трагический актер Абрар Хидоят. Когда умерла Маруся-апа, улице дали ее имя. Но началось строительство цирка, и улица Кузнецовой исчезла с карты нашего города.

Несколько лет назад, будучи на гастролях в Алма-Ате, мы увидели, как бережно хранится там память об известных актерах — их имена носят улицы, на домах, где они жили, — мемориальные доски. В Андижане имя Аббаса Бакирова присвоено новому кинотеатру, создан музей актера. А мы пока только мечтаем, чтобы в Ташкенте была увековечена память актеров, прославивших на весь мир узбекское искусство, или выступавшей здесь великой русской актрисы В. Ф. Комиссарьевской.

Дом Кузнецовой всегда был полон гостей. Ее очень любили соседские дети, и она любила детей. На склоне лет человек всегда ищет в ком-то поддержку, опору. Такой опорой стала для Марии Александровны ее ученица Эркли Маликбаева, ныне народная артистка Узбекской ССР. Они почти все время были вместе.

Болезнь обрушилась внезапно. За день до этого мы играли с ней в «Шелковом сюжете», звучал ее звонкий голос: «Сын мой, Дехканбай!» И вдруг — паралич, потеря речи. В больницы палате возле нее постоянно дежурили Эркли Маликбаева, Ирода Алиева, Яйра Абдуллаева. Приходили все, каждому она была матерью. Эркли не могла сдерживать рыданий, когда рассказывала про странный сон Марии

Александровны незадолго до болезни: будто она упала в яму и не смогла из нее выкарабкаться. Тогда Маруся-апа сказала своей ученице, что, наверное, умрет. Так и случилось.

В доме, куда привезли тело, собрались соседи, близкие, многочисленные поклонники таланта актрисы. Как будто понимая, что происходит, отчаянно мяукали кошки Марии. Их выгоняли, а они снова возвращались в комнату, кружились вокруг хозяйки...

Через положенное после похорон время пришел человек из нотариальной конторы описывать имущество покойной. Я был при этом как представитель театра. Мы попросили некоторые вещи Марии Александровны для нашего музея. Оказалось, закон этого не допускает: имущество одинокого человека передается государству. Хорошо, что Эркли еще до этого забрала комнатные цветы.

Цветы эти живы и сейчас. Как жива наша память об учителях, старших товарищах, коллегах. О тех, кто видел цель своей жизни в служении театру, искусству, народу. И наш святой долг — сохранить эти традиции и передать их следующим поколениям.

З. МУХАМЕДЖАНОВ.
Народный артист СССР,
лауреат Государственной
премии СССР.